

Открытый архив

“Окаянные годы” Амфитеатровых ...



Галина БРОДСКАЯ

Фигуры Амфитеатровых: Александра Валентиновича, друга юности Чехова, блиставшего рецензиями на “Вишневый сад” художественников в 1904 году, и его жены Илларию Владимировну, приятельницы Ольги Леонардовны Книппер-Чеховой и Алексеевых, по сцене Станиславского и Лилиной, исчезли из поля зрения россиян почти тогда же, когда умер Чехов, из сознания нации не уходивший даже в самые мрачные годы советской истории. Идеологи коммунизма вычеркнули Амфитеатрова, одного из самых серьезных до революции публицистов и прозаиков, из списка живших когда-то на свете. Заживо похоронили его. А он умер только в 1938-м. С 1904 года, освободившись после второй своей ссылки, и до 1916 года Амфитеатров был в эмиграции. А то, что случилось с ним и с его семьей в России в 1917–1921 годах, ослепило секретных архивов, открывшихся только в 1990-х.

Александр Валентинович Амфитеатров с семьей вернулся в Россию после десятилетней своей эмиграции только в 1916 году. Вернулся, чтобы сотрудничать с властями в новой санкт-петербургской газете “Русская воля”, созданной на средства крупных промышленников и банкиров при участии департамента полиции. Кандидатуру Амфитеатрова поддерживал А.Д.Протопопов, товарищ председателя Государственной думы, а вскоре министр внутренних дел. У него были высокие покровители. Казалось, писатель, всю жизнь конфликтовавший с самодержавием, одумался. Его многие в России осуждали за этот компромисс, в том числе и Горький, также получивший предложение работать в редакции “Русской воли” и отказавшийся от него. Но уже в январе 1917 года Амфитеатров умудрился написать в новой газете статью против цензурных гонений, за что был снова, как и в 1902 году, выслан в Минусинск. Тогда он был послан за свой фельетон “Господа Обмановы” в санкт-петербургской газете “Россия”, которую он издавал вместе с В.М.Дорошевичем. В Обмановых все узнали династия Романовых.

До Сибири в 1917-м Амфитеатров доехать не успел: февральская революция отменила приговор, и он вернулся в

Петербург. Вернулся, окрыленный объявленной свободой, и основал союз “Свободная Россия”, насчитывавший около 50 человек. Союз просуществовал всего три месяца и распался сам по себе — в связи с разрывом Амфитеатрова с газетой “Русская воля”, “которой этот союз был образован”, — объяснял сам Амфитеатров, отвергая версию раскола в его рядах. “Направление союза народническое, но отнюдь не эс-эровское”, — оправдывался писатель, отводя политическое обвинение, “чреватые уже не ссылкой в сибирские губернии или в Вологду, уже освоенные им до 1917 года.”

Очень скоро февральскую революцию Амфитеатров назвал “обманными днями”.

Октябрьская революция вернула его, беспартийного, не скрывавшего никаких дисциплинарных изречений, но утопически мыслящего демократа, — так он сам осознавал свою политическую ориентацию в декабре 1917-го, — в состояние “твеной истерии”. “Всем нам нелегко и горько, о себе лично скажу, что не выхожу из тяжелой подавленности разочарованием, стыдом и страхом за настоящее и будущее”, — хотел сказать он, пятидесятилетний, Горькому, вдохновившему его в апреле 1904 года на гимн “безумству храбрых”, Пете и Ане из “Вишневой сады”, бросившим на узловой станции свой нехитрый карб и побуждавшим налеге, взявшись за руки, в новую жизнь. Тогда он благоговейно их, сбросивших оковы старой жизни и распахнувших в будущее: “Счастливые пути Летите — и да хранит вас Бог, племя младое, незнакомое! Храни Бог цветы, которые распускаются на старых могилках.”

Теперь эта новая жизнь наступила. Амфитеатров хотел сказать Горькому в декабре 1917-го, Горькому — социал-демократу, автору “Матери” и “Врагов”, с его “пламенной и трогательной верой в пролетарскую революцию”, и Горькому, автору антибольшевистских “Несовершенных мыслей” в газете “Новая жизнь”, которые большевики Горькому простили, о том, что он разделяет “огромную скорбь” друга, “которая теперь так явно сжигает Вашу душу”, — набрасывал Амфитеатров в черновике письма к Горькому.

Но почему это незаконченное письмо это осталось в черновиках. Может быть, оно лежит в архивах Горького и готовится к публикации? Сценарий чеховского “Виш-

Материалы о причинах эмиграции Александра Валентиновича Амфитеатрова найдены в российских архивах и публикуются впервые. Последние русские фотографии Амфитеатрова, его жены и его старшего сына найдены в архиве Управления ФСБ РФ по Санкт-Петербургу и области и тоже публикуются впервые.

невого сада”, столь милого сердцу Амфитеатрова, его рецензента, разыгрывался теперь не на сцене, а наяву и с его непосредственным участием в роли хозяина роскошного петербургского дома на Николаевской набережной, уже переименованной в набережную реки Карповки, и с его детьми в роли младого, незнакомого племени, открытого будущему. У этого “Вишневой сады” был другой темпоритм: финал с бешеной скоростью наступал на экспозицию, торопя и комкая ее. И другой автор — новая жизнь, воровавшаяся в Россию в 1917-м, автор куда более жестокий, агрессивный, чем грустивший и рефлексировавший в 1904-м Чехов, всем все прощавший, милосердный. Она не просто выбрала вишневые деревья. В огне пожара горела почва. Или покрывалась морем крови.



И.В. Амфитеатрова

Старый дом Амфитеатровых не продавался с законных торгов, как дом чеховских Гаевых. Не было аукциона. В стране царил хаос, все погрязло в беззаконии. От “минувшего величия” дома Амфитеатровых, это он сам говорил Горькому о своем петербургском доме на набережной, с такой любовью и с таким вкусом оставленном в старой жизни, оставался один всех восхищавший, но никому не нужный в новой жизни, предназначенный на толпу плиты, стилиный зал 1840-х годов с мебелью из лимонного дерева. И роля сына Даниила. Продавали все до последнего рублика. Сидели, спали на чужом, ели, пили из чужого.

А тем временем подоспели декреты Совдетию о выселениях, об уплате налогов и о лишении “бывших” торговли своею собственностью хотя бы в целях пропитания. И стал вопрос: куда деваться фактически вышвырнутым из дома его старым хозяевам?

Работа совсем не кормила. Буржуазная пресса была разгромлена и уничтожена. Издаательства, обесилленные типографскими неурядицами и ко-

лоссальными затратными тарифами, бездействовали, и “риску новых предприятий” предпочитали “спекуляцию на старых завалившихся книгах”, — объяснял Амфитеатров А.В.Луначарскому, наркому просвещения, писателю, коллеге в новой власти, почему он хочет возвратиться с семьей за границу, где у него сохранились старые связи. И дом в Италии. Гонимые в горьковской “Всемирной литературе” на семью не хватало. (Илларию Владимировну тоже получила во “Всемирной литературе” переводы с французского, немецкого, итальянского). Не выучал и заработок супругов в 27-й петроградской трудшколе, где они оба преподавали. Александр Валентинович подрабатывал еще разными лекциями в Педагогическом институте имени Герцена и в Тенишевском училище. В декабре 1918 года он читал лекцию о Г.А.Лопатине. “Я говорил о Лопатине, как о личности, не затрагивая политического вопроса”, — оправдывался он в январе 1919 года, когда его арестовали. Петроградская губернская чрезвычайная Комиссия по борьбе с контрреволюцией, саботажем и спекуляцией при Союзе коммунистов Советской России арестовала его “по общей подозрительности”, — объяснял Амфитеатров, когда его арестовали в 1921 году во второй раз. В первый раз его быстро выпустили, взяв с него подписку о невыезде из Петрограда, и лишивши права читать лекции без согласования там с ВЧК.

Жизнь казалась Амфитеатрову “сплошным бредом”, а иногда он сомневался, в здравии ли он уме или обесился. Но больше всего страшила Амфитеатровых судьба детей, выброшенных в жизнь, которую глава семьи в последние десятилетия готовил. В лучшем случае ждала участь бродячих музыкантов, собирающих милостыню по дворам. О том, что ждало их в самом деле, несчастные не подозревали. Амфитеатров кинулся за помощью к Луначарскому: “Мы с Вами стоим на разных политических позициях, но я знаю Вас как человека симпатичного, сердечного, — типичного русского писателя, с которым, следовательно, другой писатель может поговорить открыто, по душе, в минуту, когда ему приходится очень трудно и тяжело”, — писал он многоуважаемому Анатолию Васильевичу, вспоминая их дружеские встречи на Капри, у Горького, когда дети были совсем маленькими. Амфитеатров излагал Луначарскому свою ситуацию, не кривя душой. Русские писатели еще не умели говорить одно, думать другое,

а делать третье.

“Я, кажется, впервые в жизни решительно не знаю, что мне дальше делать”, — писал Амфитеатров. — В Совдепе Илларию Владимировну любезно указали на возможность детей работать в приюте, а самим отправиться в богадельню. Но мы не чувствуем ни малейшего призвания к тому, чтобы так или иначе садиться на общественную шею. А вместе с тем я не вижу перед собою никакой возможности к труду производительному и добывающему, хотя полон сил и работоспособности. Именно поэтому я и стремлюсь уехать в другие условия жизни, более мне привычные, равно и детям моим. В условиях, при которых я могу кормить их и воспитывать на свой заработок, чего здесь я, по политическим условиям, лишен



Даниил Амфитеатров

Я не могу идти рука об руку с Советской властью, потому что 1) я не марксист 2) не сочувствую ее методам, способам, темпу, многим ее предствителям, апофеозу ее гражданской войны; ее террору и пр. Очень может быть, что я стар, что многое новое в России мне непонятно и отвычно, но есть поступки, слова и люди, которые для меня несовместимы с идеей советской личности. Это не “саботаж”, а, просто честное признание своей непригодности для условий переустройства мира. Когда человек чего-либо не понимает, лучше ему стать в сторону и не мешать работать понимающим. С другой стороны, я не могу идти против Советской власти, потому что я принимаю ее социальную программу и вижу в ее стремлении и твердости верный залог того, что Россия надолго сохранит дорогой для меня строй демократической республики, что для меня, как заклятого антимонархиста, самое главное.”

На этом черновик письма Амфитеатрова к Луначарскому обрывается, и тоже неиз-

вестно, состоялось ли оно.

А 4 марта 1921 года арестовали троих: Александра Валентиновича, Илларию Владимировну и Даниила Александровича то ли за саботаж, то ли за соучастие в контрреволюционном заговоре. Все трое заполнили анкету. В графе “политические убеждения” Александр Валентинович написал: республиканец-социалист; Илларию Владимировна размахнулась: “противница монархизма и сторонница всечеловеческой свободы”; Даниил, служивший в тот год в распоряжении части штаба Балтийского флота, потому и его арестовали, обозначил свою аполитичность.

Все дело строилось на донос коммунисты Васильевой о якобы причастности Амфитеатровых к подавленному Кронштадтскому мятежу. Оно имело характер коммунального склок. Васильева подала в Чрезвычайку заявление, в котором показывала, что Илларию Амфитеатрову при встрече с ней в разговоре на слова Васильевой о Кронштадтском мятеже, “что “бура утхает и рабочие приступают к работе”, заметила: “Как так, наоборот, штаб весь наш, мы имеем непосредственное сношение с Кронштадтом, и нам известно, что сейчас только начинается”. И на допросе, и на очной ставке Илларию Владимировна отрицала эти показания коммунистки. Даниил утверждал, что сведений таких домой не приносил. Александр Валентинович ринулся за правдивость и жены, и сына и отбивал от подозрений о причастности его к партии эсеров, а сына — к белогвардейцам. Издательство “Всемирная литература” за арестованных своих сотрудников не вступило, только прислало в Чрезвычайку заявление за подписью своего заведующего А.Тихонова (Серебряков) с просьбой принять меры к тому, чтобы бумаги, взятые при обыске на квартире Амфитеатровых, не передавались в общий архив, а впрямь, до выяснения дела и разбора их, были бы взяты под особую охрану Чрезвычайной комиссией и затем переданы издательству при первой возможности.

Установить характер связи Амфитеатровых с Кронштадтским следствием не удалось, и в связи с ухудшившимся положением в Кронштадте и за недоказанностью обвинения Амфитеатровых из-под ареста освободили, дело производством прекратили и сдали в архив. Протокол заседания президиума Петроградской Губернской чрезвычайной Комиссии по борьбе с контрреволюцией, спекуляцией и преступлениями по должности от 2 апреля 1921 года подписали Председатель Петубочка Озолин и заведующий особым отделом Подгайский. И Амфитеатровы в сопровождении комиссара вышли на волю, мало отличавшуюся от каторги.

Полученные, видимо, с помощью Луначарского, заграничные паспорта были давно просрочены, граница закрыта, денег на легальный отъезд, будь он разрешен, не было, и в августе 1921 года Амфитеатровы, доведенные до отчаяния, бежали из Советской Рос-

сии. Бежали экзотично: на лодке через Финский залив. “Мне удалось, пользуясь утренним туманом и нерадивостью Ваших патрулей”, покинуть “пределы Вашей Империи, которая когда-то называлась моим отечеством”, — писал Амфитеатров самому Ленину в открытом ему письме осенью 1921 года, все еще находясь под напряжением этой акции и всего того, что предшествовало ей.

Весь свой выдающийся публицистический талант Амфитеатров в это свое открытое письмо вождю, задавая ему вопросы и бросая в лицо строки, “облитые горечью и злостью”. Опубликованное в ревельской газете “Последние известия” и сохранившееся в фрагментах в машинописи в одном из русских архивов Амфитеатрова, открытое письмо Амфитеатрова к Ленину стоит в одном ряду с “Окаянными днями” Бунина — по глубине и силе переживания, которые выпали всем русским людям в те страшные первые послеволюционные годы — и Алексеевым, и Смирновым, и Штакерам, и Третьяковым, и Бостанжого, всем; и бывшим купцам, и бывшим дворянам, и творческой интеллигенции, — за исключением Антона Павловича Чехова, до тех лет не дожившего.

Амфитеатров был знаком с Лениным, как и с Луначарским, через Горького. Но вряд ли Ленин, которого Амфитеатров считал человеком “большого ума”, читал адресованные ему вопросы и недвусмысленные ответы на них.

“Существует ли грань между идеями коммунизма и коммунизмом криминальным? Если существует, то где она? Сознаете ли Вы, что Ваша идея растворилась в коммунистической уголовщине, как капля уксуса в стакане воды, и если это так знаете, то как можете Вы, человек идеи, мириться с этим? Уверю Вас, — писал Амфитеатров, — никто из Ваших поданных этой критике не чувствует, не чувствует ее потому, что ужас, произвол, голод, нужда трехлетнего Вашего притупили и атрофировали в них способность разбираться в обстановке и отличать добро от зла и правду от лжи. И не потому, что Ваш режим окружает их людьми, снабженными, кроме партийных билетов, непогашимостью пап и душевной чистотой новорожденных младенцев, а потому, что грань эта, если и существует, бесконечно от них далека; она вне их кругозора, а все, что видят они, все, с чем соприкасаются, — ложь, обман, провокация, насилие, тирания и уголовщина снизу, справа и слева. Допустим на минуту, что в Западнороссии своем под сводами московских теремов, в величественной тиши кремлевского дворца. Вы далеки и чужды от будничной стороны Вашего режима, как далеки и чужды от народной жизни Ваш коронованный предшественник. Но ведь и на каждом шагу своей государственной работы, в каждом Вашем акте внешней и внутренней политики, Вы не можете не ощущать и не видеть такого краха, который потерпела Советская

власть за три года своего существования. Переверните страницу истории и посмотрите, чем была идея народоуверия, когда Вы привезли ее с берегов Женевского озера, и чем теперь стала. Прочтите сейчас страницу и Вы увидите отталкивающую старую грешницу без твердой воли, без сознания собственного достоинства, убежденной даже, то зверски жестокою, жестокою существа, которому нечего терять, то покорно услужливую, лицемерную, готовую сдать тем самым, кого она недавно клеймила гордым презрением, готовую на какую угодно мерзость ради жалкого права воскликнуть: “Я существую”. Имейте, Владимир Ильич, мужество признать, что главный козырь Ваш — ставка на всемирную революцию — бит. Битон потому, что, принеся на знаменах своих самые соблазнительные посулы, какие знает человечество, Вы для осуществленья их выбрали противоестественный путь: страшный путь: путь крови и насилия. Вы потеряли кровь, потеряли вали отрицания всего, что составляет сущность человеческого бытия. Вы думали, что имевте дело не с людьми, а с сверхчеловеками, готовыми с элическим спокойствием созерцать гибель своей родины, смерть своих жен и детей от голода и от пня Ваших опричников во имя проблематического блага грядущих веков. Вооруженный бумажными теориями, рассматривая предмет сквозь призму сухого учения Карла Маркса. Вы не могли видеть истинных свойств и качеств тех людей, которых Вы с легким сердцем обещали столько же счастья в будущем, сколько согласятся они в настоящее время пролить слез и крови. Вы пошли вразрез их самым жизненным интересам, привязанностям и убеждениям (...).”

Амфитеатров писал Ленину еще о многом другом из текущей жизни своего бывшего Отчества. Машинописный текст письма Амфитеатрова к Ленину из русского архива писателя завершается шквалом вопросов и односложным ответом: “... разве до Ваших ушей не доносятся в тиши кремлевских палат залпы беспрепятственных расстрелов? Не Вы ли провозгласили в России все виды свободы, не Ваши ли советские жандармы закрыли все газеты, арестовывали собрания, расстреливают, притесняют рабочего, заковывают в цепи труд, возмужают крепостное право и живых аракевских казарм. Не Ваша ли власть до того измучила, и оплакудила, и потеряла понятие о нравственности до того, что поднесла Троцкому чин генерала революции. Некуда падать ниже, не правда ли. А Вы все еще в

Антиленинизм, антикоммунизм привели Амфитеатрова в эмиграцию, увы, к фашизму муссолиниевского толка. Он сочувствовал в нем той силе, которая могла бы сокрушить большевизм, выбросивший его за рубеж и “перелопачивший” Россию в СССР, писал Амфитеатров в 1927 году.

... и Станиславского

Материалы о судьбе родного брата К.С.Станиславского Г.С.Алексеева обнаружил в Центральном архиве ФСБ РФ сотрудник архива В.Гончаров. Видно, у него талант. Все же, кто в течение нескольких лет до него во исполнение запросов обследовал секретные фонды, отвечали, что следов Г.С.Алексеева в поведомственных им хранениях документов нет.

В июле 1920 года Станиславский получил известие о том, что 9 июля этого года по решению Президиума ВЧК расстрелян за спекуляцию никелевыми рублями его кузен Василий Николаевич Бостанжого, милейший, добрейший и беззаботнейший Вася Бостанжого, профессор-орнитолог, бывший совладелец с братьями и сестрами фамильной табачной фабрики.

Станиславский не успел опраться от этого удара, как в начале 1921 года получил известие из Крыма о том, что арестован его родной брат Юра, Георгий Сергеевич Алексеев. Юра с семьей, с женой

Александрой Густавовной, урожденной Струве, и уже взрослыми детьми жил в Харькове. Ему из Алексеевского наследства были выделены фамильная шерстомойня и химический завод, изготовлявший краски для сырья. Сырье поступало из Закавказья, из Средней Азии и из Сибири. Алексеевым до революции принадлежали там стада тонкорунных овец. К 1921 году все Алексеевские торгово-промышленные текстильные фирмы были национализированы.

Получив тревожное сообщение, Станиславский немедленно обратился в Совнарком, а управделами Совнаркома Н.П.Горбунов, мгновенно реагируя на заявление Станиславского, направил запрос на имя заместителя председателя ВЧК товарища И.К.Ксенофонтова о причинах ареста Г.С.Алексеева. И выписал два пункта из заявления Станиславского с просьбой, если окажется возможным, принять соответствующие меры и о результатах сообщить в Совнарком. Во 2-м и в 3-м пунктах заявления Станиславского, скопированных секретарем Горбунова, говорилось:

“2). Если, по выяснении дела, окажется возможным выпустить заключенного из тюрьмы,

— я прошу о скорейшем его освобождении и о возможном смягчении его тяжелой участи, так как он — большой человек. 3). В случае его освобождения и желания вернуться в Москву, я ходатайствую о разрешении ему выехать из Крыма и въехать в Москву.”

Зарегистрировав бумагу в общем отделе ОГПУ, Ксенофонтов наложил резолюцию: “Запросить КрымЧК о причинах ареста”.

Ни в феврале, ни в марте Станиславский ответа о судьбе брата не получил и 1 апреля написал в Совнарком вторично. Это письмо, скопированное личным секретарем Горбунова, было по распоряжению Горбунова препровождено в ВЧК товарищу Г.Г.Ягоде. Горбунов просил Ягоду сообщить в Совнарком о результатах розыска.

1 апреля 1921 года Константин Сергеевич Станиславский (Алексеев) писал в управделами Совнаркома: “Мой брат Георгий Сергеевич Алексеев проживал в Крыму, в Новом Мисхоре, в имении кня. Долгоруковых, ради своей больной жены. В конце 1920 года, перед Рождеством, он был арестован в Новом Мисхоре или Керзеве и с тех пор пропал без вести.

Его семья, состоящая из

больной жены Александры Густавовны Алексеевой и дочери, артистки 1 студии Московского художественного академического театра Валентины Георгиевны Алексеевой (по мужу Коноховой), находится в тяжелом безвыходном положении.

Моя просьба заключается в том, чтобы: 1) Узнать через правительственные учреждения, жив ли мой брат и где он находится. 2) Разрешить его жене Александре Густавовне Алексеевой и его дочери Валентине Георгиевне Алексеевой (по мужу Коноховой) вернуться в Москву скором времени в Москву, дав им соответствующие бумаги и разрешения.

Адрес Александры Густавовны Алексеевой и Валентины Георгиевны Алексеевой (по мужу Коноховой): Алупка, дача Оленинского или Керзев — Токаевку, для Алексеевой.” Станиславский указал и свой адрес, и свой телефон: Леонтьевский, 6, телефон 94-58.

Только в мае в Москву в ВЧК пришла телеграмма из КрымОбороны. В ней безграмотно и с путаницей — Георгий Сергеевич стал Георгием Алексеевичем — сообщалось, что ответ уже был дан по пря-

мому проводу, что на запрос Чека города Красноармейска ВЧК, видимо, ВЧК Украины в Харькове, где до революции проживали Алексеевы, был получен ответ о том, что “Георгий Алексеевич Алексеев был вызван 27 декабря 1920 года особой тройкой откуда не возвратился зпт Георгий Алексеевич Алексеев в районе Керзевско участка не проживает тч” и еще перечислялось множество фамилий расстрелянных КрымЧека за контрреволюцию (К/Р), за бандаитзм и взятых под арест с лишением прав.

Эта телеграмма уже не нужна была Станиславскому. Оперативнее, чем ВЧК, оказался А.В.Луначарский, нарком по просвещению. Он, откликнувшись на просьбу Станиславского о выяснении судьбы его брата Г.С.Алексеева, дал телеграмму в Симферопольский ревком и полученный из Симферополя ответ прислал Станиславскому 15 апреля 1921 года, приложив к нему копию своего письма к председателю ВЦИК М.И.Калинину. Луначарский сообщил Калинину, что брат Станиславского расстрелян в Крыму и что расстреляны, кажется, один или два его сына, то есть племянники Станиславского.

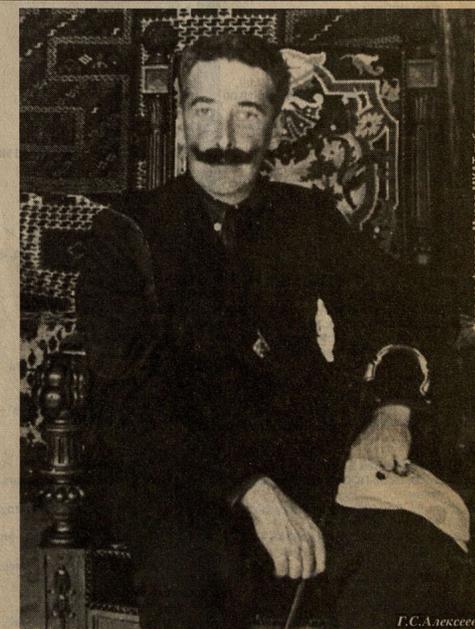
“Сам Станиславский утверждает, — писал Луначарский Михаилу Ивановичу, — что их расстреляли зря, и много, что я слышал о крымской практике первых недель, как мне кажется, допускает и такую возможность. Удар этого старого гениального [артиста], подлинного гордости России, конечно, большо-

ИЗ ВСЕЙ СЕМЬИ ОСТАЛИСЬ В ЖИВЫХ ОДИН ТОЛЬКО ЖЕНЩИНЫ, ЕГО ПЛЕМЯНИЦА И ЕЕ 19-ЛЕТНЯЯ ДОЧЬ. ОНИ НАХОДЯТСЯ В КРЫМУ В УЖАСАЮЩЕМ ПОЛОЖЕНИИ.

Прилагаю при сем копию телеграммы, которую я дал в Симферопольский ревком. Знаю Вашу глубокую отзывчивость к человеческому горю и к интересам нашей культуры, прошу Вас в свою очередь отдать авторитетное распоряжение, чтобы телеграмма моя не осталась в туне.”

У Валентины Георгиевны Алексеевой (Коноховой) не могло быть 19-летней дочери. Ей самой в 1921-м еще не было 30. Это опечатка.

Ответы Симферопольского ревкома Луначарскому в архиве Станиславского не сохранилось, копии телеграммы Луначарского в Симферопольский ревком и подлинник письма Луначарского к Калинину предостоят найти, скорее всего, в фонде Калинина в бывшем партийном архиве. Отзыв Луначарского о Станиславском, посланный наверх в 1921 году, бесценен. А в недавние изданные мемуарах В.В.Книппера, племянника Ольги Леонардовны Книппер-



Г.С. Алексеев

Чеховой, говорится, что в Крыму были расстреляны трое сыновей Георгия Сергеевича Алексеева, младшего брата К.С.Станиславского. “Одним бароном меньше,

один больше, не все ли равно”, — когда речь идет о миллионах расстрелянных сыновей. Лучше Чехова суть революционной идеологии одной фразой не сформулируешь.